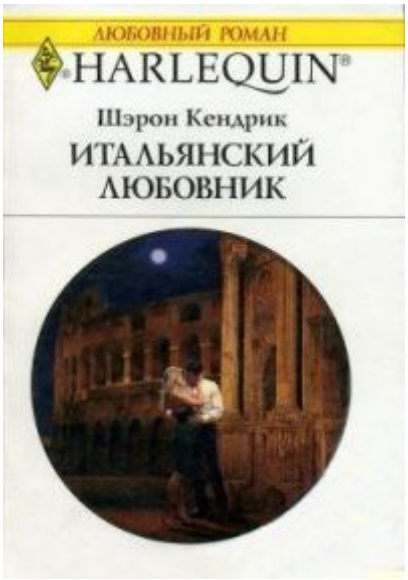
ЛЮБОВНЫЙ РОМАН
HARLEQUIN
Шэрон Кендрик
ИТАЛЬЯНСКИЙ ЛЮБОВНИК

Шэрон Кендрик

Итальянский любовник

OCR: LitPortal; Spellcheck: Хитрая
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=151689
Итальянский любовник: Радуга; Москва; 2005
ISBN 5–05–006082–6

Аннотация

Случайная встреча Евы Питерс с Лукой Карделли, в которого она была влюблена в юности, приводит к пылкому роману. Спустя некоторое время Ева с ужасом обнаруживает, что беременна. Ее возлюбленный в шоке. Они расстаются…

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ 4
ГЛАВА ВТОРАЯ 12
ГЛАВА ТРЕТЬЯ 19
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ 25
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Шэрон Кендрик
Итальянский любовник

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Ева увидела его в другом конце комнаты и замерла. Это было как в кино, когда фантазия режиссера заставляет на время забыть о реальности. Раньше с ней такого не случалось.

Щелчок. Жужжание толпы. Скользящий вдоль комнаты взгляд задерживается, и она, не веря своим глазам, узнает человека, который представлялся ей единственным на планете. Но это ведь только воображение, это не может быть правдой! Ведь за секунду невозможно признать в незнакомце человека, с которым когда—то мечталось провести жизнь!

Впрочем, незнакомцем этого мужчину не назовешь. Но немало воды утекло с той поры.

Она опустила глаза и сделала вид, что рассматривает бокал, собирая силы для новой попытки разглядеть его. Он отвернулся. Возникла возможность спокойно рассмотреть его.

Можно было усомниться, действительно ли это Лука, но то, что это итальянец, было бесспорно. Блестящие черные волосы обрамляли гордо поднятую голову. Ева впилась взглядом в безупречные черты лица, словно стараясь запомнить их. Или, скорее, пытаясь вспомнить. Умные, суровые темные глаза, нос с горбинкой и деспотический рот – все это казалось одновременно и красивым, и жестоким. В комнате, полной богатых и успешных мужчин, он казался прекрасным экзотическим цветком. Он выгодно отличался от прочих сияющей кожей золотисто—оливкового цвета и крепкими, накачанными мышцами. Он принадлежал к тому типу мужчин, которые господствуют, не прилагая к этому особых усилий, подобно надменным аристократам прошлых эпох.

Обычно Ева оценивала людей быстро, но сегодня она была готова прожигать его взглядом весь вечер.

Одет он был утонченно и дорого, в кремовую рубашку, подчеркивающую мускулистый торс, и темные узкие брюки, скрывающие длинные, сильные ноги.

Держался спокойно и непринужденно, но необъяснимым образом это только подчеркивало еще жизненную энергию.

Склонив голову набок, он слушал маленькую блондинку в блестящем платье, которая с завидным энтузиазмом вела беседу. Но чему удивляться? Едва ли нашлась бы женщина, не способная заметить его откровенную, бурлящую чувственность.

– Ева?

Ее мысли были прерваны. Хозяин дома протягивал бутылку шампанского к ее полупустому бокалу.

– Могу я налить тебе еще?

Она не собиралась задерживаться надолго и думала, что первый выпитый ею бокал станет последним, но почему—то с благодарностью кивнула:

– Спасибо, Майкл.

Шампанское заиграло в бокале. Ева обвела взглядом комнату. Шторы были не задернуты, за окном открывался чудесный вид. Луна и звезды отражались в сияющих волнах, доносилось пение птиц. Все говорило о том, что вечер удастся на славу.

Она подняла бокал:

– За прекрасную вечеринку по случаю дня рожденья! Твоей жене очень повезло.

– К сожалению, не все любят такие сюрпризы, – заметил он.

Ее глаза вновь наткнулись на Луку.

– Ну, не знаю, – медленно сказала Ева, в то время как сердце застучало сильней. – В любом случае великолепный прием.

Майкл улыбнулся.

– Пожалуй. И здорово, что ты здесь. Не каждый может похвастать присутствием телезвезды у себя на вечеринке!

Ева засмеялась.

– Майкл Гор, ты знаешь меня с пеленок! Ты еще помнишь, как я бегала с ободранными коленками в школьной форме. К тому же утреннее шоу на провинциальном канале вряд ли делает меня телезвездой.

Майкл усмехнулся в ответ.

– Все равно, это неплохо для девушки.

Может быть, и неплохо, но именно сейчас она чувствовала себя той самой школьницей с ободранными коленями. И к своему ужасу, поняла, что залпом выпила почти все содержимое бокала. И что Лука – если, конечно, это он – до сих пор слушает оживленную блондинку. И что меньше всего ей сейчас нужен сердцеед, мечта каждой женщины. Ева давно усвоила: в жизни важно иметь цели, но только если они осуществимы.

– Девушке пора спать, – вздохнула она. – Подъем в полчетвертого каждое утро не слишком положительно сказывается на жизнедеятельности. Не будешь возражать, если я в скором времени незаметно покину вас?

– Буду, и очень сильно, – сказал он шутливо. – Но если легион твоих поклонников потом обвинит нас в том, что у тебя мешки под глазами, тогда можешь уходить хоть сейчас. Заглядывай к нам завтра после твоего шоу, позавтракаем вместе. Останется куча вкуснятины, а мы с Лиззи за весь вечер парой слов с тобой не перекинулись.

Ева улыбнулась. Неплохая идея. Это даст ей возможность поиграть со своей крестницей, которая клевала носом весь вечер.

– С удовольствием, – сказала она. – Приблизительно в полдень?

– До встречи в полдень, – кивнул он.

Ее так и подбивало спросить, что тут делает Лука, но как это сделать? Даже в самом небрежном тоне это прозвучало бы странно. Что это за мужчина, который беседует с блондиночкой? Или: кто вон тот высокий, темноволосый, привлекательный малый? Или даже: это часом не Лука Карделли? Увы, все это звучало бы глупо и разоблачительно.

Но, видимо, Майкл сам заметил, что ее глаза постоянно находят одного из гостей.

– Ты знакома с Лукой Карделли? – спросил он.

– Что—то припоминаю. – Она придала голосу небрежность. – Он, кажется, бывал здесь лет десять назад, не так ли?

– Именно так. Тогда он плавал на большой белой посудине. – Майкл вздохнул. – Шикарная яхта. А моряк он чудесный, в этом ему равных нет.

– Вот как? А я и не знала, что он твой друг!

Майкл пожал плечами.

– Мы как раз тогда и подружились. Потом много лет не виделись, хотя и поддерживали связь. А тут он мне сообщает по электронной почте, что находится в Лондоне по делам. Я немедленно пригласил его.

Еве стало интересно, надолго ли он приехал, но она промолчала. Ее это не касалось и могло произвести не правильное впечатление. Здесь полно женщин, которые горят желанием поближе с ним познакомиться, если только эта старательная блондиночка упустит свой шанс.

– О, смотри, кто—то пускает фейерверки! – выпалила она вместо этого, когда вдали на небе расцвели взрывы ярко—красных, голубых и золотистых искр.

На ее счастье, Майкл отошел пополнить запасы шампанского в чьем—то в бокале. Она приблизилась к окну, чтобы насладиться шипящими огнями наедине со своими мыслями и воспоминаниями.

Лука не сводил с нее глаз, когда она, покачивая бедрами, шла к окну в своем зеленом шелковом платье.

Он заметил ее уже давно, даже раньше, чем она начала пристально следить за ним. Он видел, как она старательно делала вид, что не смотрит в его сторону, и это странным образом задело его.

Он привык к чрезмерному женскому вниманию чуть ли не с младенчества. Едва ли он смог бы вспомнить всех своих женщин даже при большом желании.

Лука Карделли готов был приложить максимум усилий для заключения важной сделки, но женщины не входили в сферу его деловых интересов. Однако от рождения он притягивал к себе противоположный пол, как мед притягивает пчел. Когда же он сам начал обращать внимание на женщин, то быстро понял, что может заполучить кого угодно, когда угодно и на каких угодно условиях.

– Лука!

Он прищурил глаза. Прелестная блондиночка надула губы. Он поднял черную бровь.

– Ммм?

– Ты меня не слушаешь!

– Прости. – Он улыбнулся, пожав широкими плечами. – Вина моя велика. Я задержал тебя, а вокруг столько мужчин мечтают с тобой поговорить!

– Но я хочу разговаривать только с тобой! – без всякого стеснения заявила она.

– Это несправедливо по отношению к другим мужчинам, – мягко ответил он. – Si?[1]

Блондиночка выгнула плечи.

– О, мне так нравится, когда ты говоришь по—итальянски, – сообщила она тоном заговорщицы.

Он пристально взглянул в ее широко раскрытые глаза – глубокие и синие, как бассейн, в который его умоляют нырнуть. Она непроизвольно провела кончиком языка по приоткрытым губам. Остальное было ясно. Уже через час она бы лежала в его постели. В двадцать два года подобное развитие событий показалось бы ему заманчивым. Но в тридцать два такие легкие победы вызывали у него только скуку.

– Ты меня извинишь? – тихо сказал он. – Мне нужно позвонить, это не займет много времени.

– В Италию?

– Нет, в Нью-Йорк.

– Правда?! – воскликнула она, словно он собирался звонить на Марс.

Он очаровательно улыбнулся.

– Рад был нашему знакомству.

И исчез раньше, чем девушка успела спросить, как долго он здесь пробудет и хочет ли, чтобы она показала ему окрестности. Но он знал, что с подобной непринужденностью она легко познакомится этим же вечером со следующим мужчиной и уже через две минуты напросится к нему в койку.

Девушка в зеленом платье все еще смотрела в окно. Что—то загадочное было в ее неподвижности, в том, как она умела сохранить одиночество на шумной вечеринке. Он пересек комнату и встал рядом с ней, глядя на последние радужные отблески фейерверка, застывшие над морем.

– Эффектное зрелище, не правда ли? – тихо сказал он минуту спустя.

---

[1] Да? (ит.). – Здесь и далее – прим. пер.

Она ответила не сразу. Сердце сжалось, несмотря на все ее усилия никак на него не реагировать.

– Потрясающе, – согласилась она, не шевельнувшись и не повернув головы.

У него появился спортивный интерес.

– Ты совсем не веселишься!

На этот раз ей пришлось повернуться к нему, иначе это было бы откровенной грубостью. Она мысленно подготовила себя к встрече с черными сияющими глазами и чувственными губами, которые казались такими же потрясающими, какими она их помнила в свои семнадцать лет.

– С чего ты взял, что я не веселюсь?

– Весь вечер стоишь одна, – почти шепотом сказал он.

– Вот, уже не одна, – сухо заметила она.

Его глаза сверкнули, приняв вызов.

– Хочешь, чтобы я ушел?

– Вовсе нет, – не задумываясь, сказала она. – Вид на ночное небо доступен всем желающим! Не претендую на монополию в данном вопросе.

Теперь он был действительно заинтригован.

– Ты не сводила с меня глаз, cara.[2] – мягко начал он.

Так он заметил это! Странно, ведь женщины, не сводящие с него глаз, давно уже стали для него обыденностью.

– Каюсь! Наверно, я первая, кто не сводила с тебя глаз? – с издевкой бросила она.

– Я не запоминаю такие мелочи, – ответил он небрежно.

Она открыла было рот, чтобы ввернуть что-нибудь колючее, но взяла себя в руки. Когда—то он был с ней мил и ласков, и не его в том вина, что еще не созревшая женщина нашла это недостаточным. Не его вина и в том, что он был настолько ослепительным, что она воспылала к нему любовью школьницы, а он не ответил взаимностью. Она улыбнулась.

– Ну, и как тебе Хембл?

– Я не впервые здесь, – сказал он тихо.

– Я знаю.

– Знаешь?

– Ты не помнишь меня, да?

Удивленно и внимательно он посмотрел на нее. Это была девушка не его типа. Узким бедрам и длинным ногам он предпочитал невысоких девушек с округлыми формами. Лицо ее можно было назвать не столько красивым, сколько интересным. Скорее сильное лицо – с умными серо—зелеными глазами, волевым подбородком и широкими скулами, отбрасывавшими на щеки легкие тени. Сложнее было определить, цвет ее волос. Был ли этот цвет натуральным? Волосы были полностью зачесаны назад и затянуты в хвост. Шелковое зеленое платье, достаточно строгое, облегало фигуру, не скрывая загорелых ног. Единственной яркой деталью в ее наряде были расшитые блестками босоножки, из которых кокетливо выглядывали накрашенные розовым лаком пальчики.

– Нет, – сказал он и покачал головой. – Я тебя не помню. А должен?

Конечно же, он ничего никому не должен!

– Не бери в голову.

Она дернула плечами и снова отвернулась к окну, но он взял ее за руку, и она затрепетала.

– Так расскажи мне об этом, – сказал он ласково.

Она засмеялась.

---

[2] Дорогая (ит.).

– Нечего тут рассказывать!

– Все равно расскажи!

Ева вздохнула. Зачем, черт возьми, она вообще подняла эту тему? Потому что любила говорить все прямо? Или потому, что на работе привыкла исследовать человеческие реакции и чувства?

– Ты приезжал сюда как—то летом, очень давно. Тогда мы и виделись. Правда, были едва знакомы.

Лука на секунду нахмурился, но тут же лицо его прояснилось. Так это не одна из тех, с кем он переспал и тут же забыл. За то долгое жаркое лето такой была – он помнил – одна—единственная женщина. Одна—единственная. Но сейчас перед ним стояла ее полная противоположность – с удивительно проницательным взглядом и собранными сзади волосами.

– К сожалению, сага, я так ничего и не припоминаю. Напомни, пожалуйста.

Тем летом Ева зарабатывала деньги, которые, увы, никогда не водились у нее в изобилии. С тех пор как умер отец, мать вышла на работу, чтобы обеспечить Еве нормальное существование, но денег все равно не хватало на те вещи, которые так нужны семнадцатилетним девушкам. Платья, туфли, компакт—диски, косметика, безделушки.

Ева была вне себя от радости, получив на лето место официантки в престижном яхт—клубе. Она никогда не вращалась в кругу людей, занимающихся лодочным спортом, не привыкла к их сверкающим яхтам, дорогой одежде, круглогодичному шоколаду загара и роскошным вечеринкам. У нее не было опыта работы официанткой, но в городке знали ее трудолюбие. Тот, кто нанял ее, понимал, что ей действительно нужна работа, а не способ найти богатенького бойфренда. И вот как—то одним прекрасным днем у их берега бросила якорь яхта молодого стройного брюнета. Сердца всех окрестных девушек забились сильнее. Мужчины, занимающиеся парусным спортом, всегда мускулисты и загорелы, держат хорошую форму. Но яхтсмен Лука вдобавок ко всему был еще и итальянцем. Такое сочетание убивало наповал.

На Еву он действовал, как удав на кролика, и когда ему случалось оказаться поблизости, все падало у нее из рук. Она не в силах была сохранять спокойствие перед его итальянским шармом и нежным взглядом. Дошло до того, что однажды тарелка с креветками выскользнула у нее из рук и розовая влажная груда первоклассных даров моря оказалось на полу.

Еле сдержав улыбку, он вручил ей большую льняную салфетку.

– Быстрее, – прошептал он. – И никто не заметит.

Никто, кроме него, разумеется. От стыда ей захотелось провалиться сквозь землю. Но она нашла силы сказать себе, что это всего лишь этап ее юной жизни быть одурманенной мужчиной, который воспринимал ее как часть интерьера.

Их разговоры до этого сводились к шуткам о погоде и к ее фразам типа:

"Не желаете ли майонез к семге?"

Акт его благородства был неожиданным, если не сказать – подозрительным.

Бал в конце сезона в яхт—клубе был главным событием года, но цены на входные билеты были столь велики, что без богатого кавалера, которого у Евы не было, попасть туда было сложно.

– Пойдешь на танцы в субботу? – лениво спросил Лука, потягивая коктейль вечером на террасе.

Она отрицательно покачала головой, собирая скорлупу от съеденных им фисташек. Он поднял черную бровь.

– Почему? Разве не все молодые девушки любят танцевать?

Она неловко провела пальцами по переднику.

– Конечно, любят. Просто…

Взгляд блестящих черных глаз пронзил ее насквозь.

– Просто что?

Признаться, что у нее нет друга, который заплатил бы за билет, было унизительно. А вход туда стоил больше, чем она зарабатывала в месяц. Она не могла долее переносить его взгляд. Если бы он ходил с бумажным пакетом на голове, она, возможно, и не впадала бы в ступор каждый раз, когда он был поблизости.

– Входные билеты стоят больше, чем может позволить себе официантка, – честно призналась она.

– Вот оно что.

Его глаза сузились.

Он больше ничего не сказал, но когда часом позже Ева забирала пальто, ее ждал конверт, внутри которого она обнаружила золотистый билет на танцы и записку:

"Я хочу видеть, как ты танцуешь".

Она чуть с ума не сошла от радости! Она стала Золушкой и Красной Шапочкой одновременно. Это было как в сказке, только происходило в реальности.

Она одолжила платье у своей подруги Салли. Только вот подружка была на размер больше, платье пришлось ушить, но и в перешитом виде оно выглядело одежкой с чужого плеча.

Полная сомнений, Ева окинула себя взглядом в зеркале.

– Не знаю, право…

– Чепуха! Ты выглядишь бесподобно, – решительно сказала Салли. – Хотя не помешает немного косметики!

– Если только чуть—чуть.

– Ева, – выдохнула Салли, – случайно, не Лука ли Карделли дал тебе этот билет? Я угадала? Так поверь мне, никакой мужчина не станет выбрасывать на ветер такую кучу денег, если он не заинтересован. Хочешь выглядеть утонченной, зрелой женщиной? Хочешь, чтобы он не выпускал тебя из рук весь вечер и танцевал только с тобой? Так хочешь или нет?

Конечно, она хотела.

Но Ева все равно чувствовала себя не в своей тарелке, входя в роскошный зал и понимая, что она здесь посторонняя. Все пришли с кавалерами, кроме нее. Вот прибыл и Лука, под руку с дамой, которую к нему словно приклеили. Его сногсшибательная спутница была в ярко—красном платье с глубоким вырезом на спине и не менее глубоким декольте. Ева хорошо запомнила, с какой глубокой завистью все смотрели на эту пару. Они танцевали так, что всем было ясно, каковы их планы на эту ночь. А Ева тогда извелась от ревности, но тоже наблюдала за ними, пока ей не стало совсем плохо. Он мельком поздоровался с ней и сказал, что она выглядит «мило». Это было на редкость точной характеристикой, и она удивилась сама себе, как можно быть такой глупой.

Она незаметно ускользнула домой, смыла с лица косметику, аккуратно сняла перешитое платье и убрала его в шкаф. Лука вскоре отплыл обратно в Италию, она не успела с ним попрощаться. И даже не сумела поблагодарить его.

Но этот печальный опыт сделал ее мудрее.

В ту ночь она зареклась никогда не стремиться к тому, что невозможно в принципе. Никогда не стремиться казаться тем, кем не являешься на самом деле.

Вместо подобной нелепицы следует использовать свои преимущества. Она явно не обладала той красотой, которая способна привлечь внимание мужчин, подобных Луке Карделли. Зато у нее были ум и решительность, и именно эти качества, а вовсе не красота, помогут ей в жизни.

Впрочем, время внесло свои коррективы. Ныне Ева совсем по—другому глядела в его черные блестящие глаза.

Барабанная дробь!

– Я была официанткой в яхт—клубе, – сказала она.

Он покачал головой.

– Прости, но…

– Ты купил мне билет на бал.

Она усмехнулась.

Что—то начало всплывать в его мозгу. Смутные воспоминания о милой, неуклюжей девочке, которая изо всех сил старалась выглядеть старше. Глаза его округлились. Как быстро растут дети! Он медленно кивнул.

– Да. Кажется, вспоминаю.

– Тогда мне не удалось тебя поблагодарить. Могу это сделать теперь – сквозь годы – спасибо!

Она очаровательно улыбнулась, как улыбалась на работе, когда нужно было произвести на кого-нибудь впечатление.

– О чем ты говоришь! – пробормотал он, размышляя на банальную тему о том, как время меняет человека.

Неужели эта элегантная уверенная в себе женщина действительно была той самой официанточкой?

Его черные глаза засветились, и Ева вдруг почувствовала себя очень уязвимой. И уставшей. Она не хотела ни флиртовать с ним, ни вести пустые разговоры, потому что до сих пор чувствовала исходящую от него угрозу и азарт победы. Сердцеед и красавчик – каким был, таким и остался. Словно бы сдерживая зевоту, она взглянула на часы.

– Мне пора.

Его веки дрогнули от удивления – зевать было его привилегией. Он не мог припомнить, чтобы женщины зевали, разговаривая с ним, даже если разговоры продолжались всю ночь. Он нахмурил брови.

– Почему так рано?

– Мне завтра утром на работу.

– Звучит неубедительно.

– Это ваше право мне не верить, мистер Карделли, – вежливо ответила она.

Он замер от удивления.

– Ты еще и фамилию мою помнишь?

– У меня хорошая память.

– В отличие от меня. – Он одарил ее сверкающей улыбкой. – Тебя не затруднит напомнить свое имя?

– Ева. Ева Питерс.

Ева? Он сразу представил себе первую женщину.

Одну—единственную на Земле. Короткое, простое и такое яркое имя. Оно говорило само за себя. Падшая женщина, вкусившая запретный плод и изгнанная за это из рая. Он хотел вставить ехидную шутку про змия—искусителя, но что—то в ее умных глазах его остановило.

– Так что за работа заставляет вас вставать в такую рань, мисс Питерс? Может, вы сиделка? – предположил он. – Либо это, либо вы доите коров!

Ева не смогла сдержать улыбки.

– Не угадали, мистер Карделли!

Она не собиралась поддаваться его обаянию и смеяться над его шутками. Она хотела только одного – убраться отсюда, и чем быстрее, тем лучше. Он выбивал ее из колеи, заставлял чувствовать себя той, кем она не являлась на самом деле. Она предпочитала всегда владеть ситуацией, быть невозмутимой, объективной и разумной, но сейчас ее душой овладели

фантазии, больше присущие наивной девочке—подростку в платье, взятом напрокат. Она вдруг захотела узнать, каково ощущать себя в руках Луки Карделли, каково заниматься с ним любовью?

Распахнутая кремовая рубашка открывала завитушки темных волос на его широкой груди, и на одну нелепую, бредовую секунду она представила, как он прижимает ее к себе, как сильные руки заключают ее в объятия, из которых ни одна женщина не захочет вырываться. Ее серо—зеленые глаза на мгновение помрачнели, и Лука заметил это.

– Не уходи, – сказал он просто. – Останься еще ненадолго, поговори со мной.

Она почувствовала его запах, настоящий дурман.

– Не могу, – сказала она с улыбкой, которая, как ей показалось, была слишком натянутой.

Она поставила бокал на подоконник.

– Мне действительно пора.

– Это, конечно, ваша прерогатива, – насмешливо сказал он.

– До свиданья, – сказала она. – Рада была встретиться вновь.

– Arrivederci,[3] cara.

Он стоял и смотрел, как она пробирается к двери.

Вероятно, за этой сценой наблюдала и блондиночка, так как она тут же возникла рядом. Ее короткие ноги были еще заметнее рядом с изящной, длинноногой Евой, и внезапно он почувствовал раздражение.

– Ты же пошел звонить, Лука, – протянула блондинка с надутым видом.

Интересно, надувать губки – это единственное, что она умеет делать? – подумал он, начиная выходить из себя.

– Меня отвлекли, – медленно и манерно проговорил он. – Спасибо, что напомнила.

Он сделал вид, что не понял, зачем она подошла, а блондинка только разинула рот, когда он небрежным движением достал из, кармана мобильный телефон и направился на улицу звонить. Там ему никто не сможет помешать, да и сигнал снаружи ловится лучше. И еще там можно полюбоваться удаляющейся Евой Питерс, которая шла этим теплым вечером по дорожке вдоль залитого лунным светом моря.

[3] До свиданья, дорогая (ит.).

ГЛАВА ВТОРАЯ

Ева хорошо знала общепринятое мнение людей о том, что работа на телевидении – сплошной праздник. Но люди ошибались. Вставать в три тридцать каждое утро никогда не было для нее праздником.

Это утро не стало исключением. Напротив, оно еще омрачалось мерзким, холодным ветром и мелким дождем, который способен превратить самые прямые и послушные волосы в жесткий спутанный комок.

Как на автопилоте она приняла душ и выпила крепкий черный кофе. Когда за ней заехала машина, чтобы отвезти в студию, она, как обычно, расположилась на заднем сиденье с утренними газетами, только на этот раз ей сложно было сосредоточиться на новостях. Она провела беспокойную ночь, а причиной беспокойства был Лука Карделли. Он ворвался в ее сны, подобно ослепительному метеориту, его темные дразнящие глаза сверкали насмешкой, словно намекая, какую прекрасную возможность она упустила, уйдя с вечеринки так рано.

Что же, сны имеют право быть странными и загадочными, потому что, в отличие от жизни, они не поддаются контролю. Всего—то, что сделал красавец брюнет – пробудил в ее подсознании что—то давно оставленное в подростковом возрасте, но, как оказалось, не забытое.

Но вскоре сны были благополучно забыты. Они ненастоящие. Ненастоящим ей казалось и неровное биение сердца, когда она вспоминала о Луке. Изо всех сил старалась Ева выбросить его из головы, но он упорно торчал там, не желая исчезнуть. Она уже жалела, что не спросила у Майкла, надолго ли приехал синьор Карделли. Скорее всего, это мимолетный визит. Его жизнь не здесь. Его жизнь в Италии, другая жизнь в чужой стране, такой же чужой для нее, как и он сам.

В тот день в утреннем шоу в числе нескольких номеров был эпизод с собакой, которую долго учили выть нечто похожее на национальный гимн. Неожиданно несчастное животное отказалось выполнять команду. Бедный пес испугался, съежился, и его вырвало в углу студии. Джонни, хозяин пса, пришел в ярость, и когда неудачный рабочий день закончился, Ева с облегчением покинула студию. Машина высадила ее у дома в начале двенадцатого. Она поднялась наверх, смыла студийный грим и долго стояла под горячим душем.

После шквала хлещущей воды почувствовав себя человеком, она натянула черные джинсы и темно—серый свитер, заранее предвидя, что не слишком опрятные детские ручонки будут ее обнимать и тискать. Сев за руль, она направилась к Майклу и Лиззи, сделав по дороге остановку, чтобы купить в подарок Кейси альбом для раскраски и цветные карандаши. Дверь открыла Лиззи, возбужденная, словно вечеринка вот—вот должна была начаться, а не закончилась вчера ночью.

– Ева! Ты выглядишь великолепно!

– Ну уж нет. Я не накрашена и в старых поношенных джинсах.

– По крайней мере, сегодня утром ты классно смотрелась по телевизору!

– Это делает честь не мне, а гримеру! Ты видела собаку, которой стало плохо?

– Видела ли я? Майк специально записал это для меня! Бедная собачка! Пошли в дом. Майк гуляет с Кейси, но они скоро вернутся.

– Как поживает моя маленькая красавица крестница? – спросила Ева, входя в просторную, светлую гостиную на первом этаже. – Я подумала…

Но тут все, что она подумала, вылетело у нее из головы, потому что на одном из диванов, небрежно развалившись, сидел Лука Карделли и читал газету.

Он поднял голову, его черные глаза лукаво заблестели, выражая нечто такое, чего Ева вычислить не смогла. Ей вдруг стало интересно, на каждую ли женщину он так смотрит и каждую ли женщину он подобным образом лишает самообладания.

– Мы решили пригласить на завтрак и Луку, – улыбнулась Лиззи.

Лука поднялся, наблюдая за тем, как испуг на лице Евы сменился подозрением. Интересно, подумал он, она волнуется так из—за каждого мужчины или только из—за него? В ее внезапно оледеневшем взгляде читался вызов, который так завел его, что он снисходительно улыбнулся, окидывая ее ленивым взором.

– Я подумал, что ты не будешь возражать, если я присоединюсь к вашему ланчу?

Что ей оставалось говорить? Что она будет возражать? Но это было бы наглой ложью! Она ощущала душевный подъем, если не сказать – восторг. Он вновь оказался рядом с ней, теперь уже один, без вчерашней толпы.

– Разумеется, я не буду возражать, – спокойная улыбка скользнула по ее лицу, Лиззи нахмурила брови, чувствуя, что тут что—то не то.

– Я налью вам выпить? Осталось море шампанского после вчерашнего.

Ева открыла было рот, чтобы попросить сок, но тут же его захлопнула. Она, чувствовавшая себя легко и раскованно на любом светском рауте, вдруг поняла, что без алкоголя ей не раскрепоститься.

– Шампанское? Было бы неплохо, – обронила она с деланным равнодушием.

– Лука?

– Будь так добра.

Он почти не слушал хозяйку дома. Ему не терпелось остаться наедине с Евой и попытаться сломить ту оборону, которую девушка небезуспешно начала устанавливать, как только вошла в гостиную. Когда Лиззи вышла, он встал и с грацией черного леопарда подошел к Еве. Ей подумалось, что сегодня он похож на хищника. А как несчастные антилопы справляются с хищниками где-нибудь в саванне? Не все убегают – это точно. Некоторые не сдают позиций и встречаются с опасностью лицом к лицу. Но есть отличие – антилопы наверняка не думают о том, что и сам хищник может выглядеть весьма аппетитно. Одет он был так же просто, как и Ева: выцветшие блеклые джинсы облегали бедра, светлый свитер оттенял оливковую кожу и черные блестящие глаза. Его темные волосы были взъерошены, по лицу блуждала легкая улыбка. Десять лет назад Ева понятия не имела о мужчинах и об их власти над женщинами. Но теперь, будучи женщиной опытной, могла с уверенностью сказать, что не многие мужчины способны сравниться с Лукой. Ставка только на достижимые цели, напомнила она себе и зеркально одарила его улыбкой такой же вежливой и пустой.

– Ну и как, Ева, – чуть насмешливо он изогнул губы, – успела на работу вовремя?

– Да, спасибо.

– Но ты совсем не спала.

Зрачки ее вздрогнули, на одно нелепое мгновенье она подумала, что он был свидетелем ее ужасной ночи.

– Нет, почему же, спала, – возразила она.

– Врешь, – сказал он весело, без предупреждения поднимая руку, чтобы слегка потрогать нежную кожу у нее под глазами. – Вот это тебя выдает. Темные тени, как синие ирисы, залегли на твоей бледной коже.

Вторжение в ее личное пространство было неожиданным и неуместным, однако его прикосновение заставило ее трепетать – безобидное касание подействовало, как любовная ласка. Она хотела заставить его прекратить это, спросить, чего он, черт подери, этим добивается. Но его сладкий грудной голос с певучим акцентом гипнотизировал ее. Она ощутила себя котенком, столкнувшимся со львом.

– Просто я сегодня не накрашена, – сказала она, как будто это все объясняло, и тут же пожалела, что он убрал руку.

– Вижу, что не накрашена.

Ее чистое лицо произвело на него впечатление. Она, должно быть, очень уверена в себе, если не пользуется косметикой. А подобная уверенность, как мы знаем, сама по себе является эффективным сексуальным орудием.

– А я, если хочешь знать, не мог сомкнуть глаз всю ночь.

– А мне разве есть до этого дело?

– Может быть, и есть, так как причина моей бессонницы та же, что и у тебя.

Она взяла себя в руки. Ева, не забывай, что это один из тех мужчин, которые отравляют нам, женщинам, жизнь. Один из скучных, пустых мужчин, которые тебя притягивают лишь потому, что часто мелькают перед глазами.

– Неудобный матрац? – предположила она. – Или тривиальное несварение желудка после всего съеденного на вечеринке?

Он рассмеялся.

– О нет.

– Может, у тебя были более приятные причины для бессонницы? – непроизвольно обронила она.

– Например?

– Ну, не знаю. Блондинка, с которой ты вел беседу, была к тебе очень внимательна. Не она ли помешала твоему сну?

– А ты ревнуешь, tesora?[4]

Ее сердцу стало тесно в грудной клетке. Да, да, я ревную.

– Не смеши меня.

Он улыбнулся.

– Я спал один.

– Мои соболезнования.

– А ты? – медленно и манерно спросил он. – Спала одна?

– Часто ли ты задаешь подобные вопросы людям, которых едва знаешь?

– Я задал прямой вопрос. – Он сделал паузу. – В отличие от тебя. А ты намеком дала мне понять, что хочешь это знать.

– С кем ты спишь, меня совершенно не интересует. В свою очередь, я не намерена делиться с тобой секретами своей личной жизни!

В отчаянии она прикусила язык и захотела провалиться сквозь землю, так как в этот момент в комнату вошла Лиззи, осторожно удерживая поднос с бутылкой шампанского и четырьмя бокалами.

– Ой! – воскликнула Лиззи, и ее глаза округлились, как блюдца. – Может, мне стоит выйти и зайти снова?

Лука снял с подноса бутылку и начал снимать фольгу.

– Мы с Евой только что поняли, что оба не любим недосказанности и сразу переходим к сути вопроса. Я не прав?

Ева свирепо посмотрела на него, чувствуя, что у нее горят щеки. Что она могла сказать? Как она могла объяснить своей подруге, к чему был этот разговор, если даже себе она не могла этого объяснить?

– Ну, этим Ева, кстати сказать, зарабатывает деньги, – хихикнула Лиззи.

Лука разлил шампанское и вручил дамам по бокалу, с удовольствием продолжая наблюдать за взбешенным взглядом Евы.

---

[4] Сокровище (ит.).

– А чем именно она занимается? – лениво спросил он.

– Угадай! – насмешливо бросила Лиззи.

Это дало ему возможность снова окинуть Еву взглядом, в котором читалась издевка.

– Адвокат?

Как ни странно, Ева была польщена. Работа адвоката предполагает наличие интеллекта и хорошего ораторского искусства, разве не так? Но она ненавидела разговоры о своей работе. Людям всегда слишком все интересно, и ей нередко казалось, что ее воспринимают не как личность, а лишь как физиономию с экрана. А телевидение – о, это так сексуально. Такую славу оно получило в обществе, и тут уж ничего не поделаешь. Эти расхожие мифы отчасти стали причиной ее недоверия к мужчинам. Она сомневалась в искренности их мотивов. Всякий раз ей приходилось думать, чем она заслужила их внимание: своей собственной персоной или все же положением на телевидении? Но она отнюдь не собиралась ни играть в застенчивость, ни кокетничать. Она вообще не собиралась оставаться девушкой—загадкой в глазах Луки Карделли.

– Я не адвокат, – сказала она. – Я работаю на телевидении.

– Ева у нас – ведущая "Доброго утра"! – гордо сообщила Лиззи. – По будням с шести до девяти утра. У меня все это есть на кассетах. Хочешь посмотреть?

– Лиззи, ради всего святого! – сказала Ева.

Лука почувствовал искренность ее мольбы, и глаза его сузились. Вот и объяснение тому, почему на вечеринке люди так пялились на нее. Понятно и ее поведение. Сдержанность во взгляде, вспыльчивость в разговоре. Он покачал головой.

– Отличная идея, но, боюсь, Ева будет скучать. Как-нибудь в другой раз.

В иной ситуации Еве сразу бы стало спокойнее.

Она ненавидела смотреть на себя, тем более, когда зрителями оказывались ее друзья. На экране она выглядела как—то иначе, а ей совсем не хотелось выделяться. Но сейчас отказ Луки посмотреть на нее в записи почему—то задел ее.

– Ну, слава Тебе, Боже милостивый!

Она картинно вздохнула.

Хлопнула парадная дверь. Послышался топот ножек Кейси. Наступила счастливая передышка в разговоре. Ева сняла очки и встала, когда в комнату ворвалась "батарейка энерджайзер" с копной белокурых кудряшек. Ева подхватила малышку на руки и сжала в объятиях.

– Ева! – завизжала девочка.

– Привет, моя милая. Как дела у самой послушной девочки?

– Я поцарапала коленку.

– Ай—ай! – Ева села на диван с Кейси на коленях. А ну-ка покажи, где.

– Вот, смотри.

Кейси указала на микроскопическое пятнышко на ноге, а в комнату вошел Майкл, лучезарно улыбаясь.

– Шампанское? – пробормотал он. – Прекрасно.

– Ты должен приходить к нам почаще Лука, если Лиззи открывает шипучку в обед!

– Это только потому, что шампанское осталось с прошлой ночи! – запротестовала его жена.

– Я польщен! – произнес Лука, и все рассмеялись.

– Умираю от голода, – сказал Майкл. – В отличие от некоторых я набегался за ребенком на свежем морском воздухе и нагулял вот такой аппетит!

– Вообще—то Ева поднялась в полчетвертого, – критически заметила Лиззи.

Лука поднял глаза.

– Вот как? Когда ты сказала, что тебе рано вставать, я и в голову не брал, что настолько рано. Это же еще ночь. – Он взглянул на нее, но из—за платиновой макушки ребенка были видны только ее серо—зеленые глаза. – Видать, ты многого не можешь себе позволить, вставая в такую рань. Я имею в виду – в быту.

– О, Ева у нас карьеристка, – сказал Майкл. – О бытовых мелочах она не беспокоится!

Ева намотала локон Кейси себе на палец.

– Вы позволите мне самой за себя сказать? Терпеть не могу словечко «карьеристка». Оно, как минимум, предполагает амбициозность и все такое прочее. Я смотрю на это проще – занимаюсь работой в очень ранние часы.

– Как некоторые няни или сиделки, – вскользь заметил Лука, блеснув своими черными глазами.

– Пожалуй, – ее глаза сверкнули озорным ответным блеском. – Или, скажем, доярки на молочной ферме.

Их пристальные взгляды встретились. То, что по существу было обычной шуткой, снова превращалось в неожиданную угрозу для Евы. За совместными шутками может последовать что—то большее, и это казалось Еве чрезвычайно соблазнительным.

Лиззи взглянула на дочку.

– Поди-ка помой руки перед ланчем, куколка.

– Я хочу остаться с Евой!

Милый каприз ребенка открывал перед Евой возможность выйти из комнаты, что ей сейчас было нужно больше всего. Это был единственный способ ускользнуть из—под гипноза Луки.

– Я помогу ей, – сказала она бодрым голосом, – мы еще промоем твою бедную коленку и наклеим на нее огромный пластырь. Как тебе такая мысль?

Кейси доверчиво кивнула и обвила Еву пухлыми ручонками. Девушка вынесла ее из комнаты, спиной чувствуя пристальный взгляд Луки. Ее это неожиданно смутило, хотя ей казалось, что смущаться она перестала много лет назад.

Когда они вернулись, второй завтрак был уже на столе. Лука непринужденно болтал с Майклом. На Еву он едва взглянул. Она усадила Кейси на стульчик и сердито посмотрела на Лиззи. Та с недоумением подняла брови.

"Дай мне только пережить этот ланч, и я с ним больше никогда не увижусь", – подумала Ева.

А единственный способ пережить эту трапезу – вести себя с ним так же, как со всеми остальными на всех прочих ланчах. Просто болтать.

Большую часть завтрака она провела, дружески беседуя с Кейси, которую неудержимо любила. Когда в свое время ее попросили стать крестной матерью малышки, она сочла это подарком небес, а к самой процедуре подошла с величайшей ответственностью.

Многие женщины, работающие на телевидении, так и не находят время родить ребенка. Ева опасалась, что подобная участь постигнет и ее. Грешным делом она подумала, что ее крестница будет для нее идеальным вариантом – и ребенок как будто есть, а особых обязательств нету.

Она как раз кормила Кейси оливкой, когда ей пришлось поднять голову и перехватить случайно (ну конечно, случайно!) взгляд Луки. И стало ясно, что у нее не получится прикрываться ребенком в течение всего завтрака.

– Где ты сейчас живешь Лука?

Он взглянул на нее с едва уловимым изумлением.

Она почти не притронулась к еде. Он тоже. Она так прелестно и мило играла с ребенком, что почти полностью игнорировала гостя из Италии, а он не привык к такому обращению. Впрочем, удивительно встретить женщину, которая так неподдельно и искренне любит

детей. Пожалуй, во всех правилах бывают исключения – современная равнодушная англичанка может быть такой откровенно экспансивной и любящей. Он отодвинул тарелку.

– В Риме. Но у меня есть собственность и на побережье.

– Для парусного спорта?

– Когда есть время. К сожалению, теперь его не так много.

– Жаль. Майк сказал, что ты выдающийся моряк.

Он этого и не отрицал. Ложная скромность – это своего рода обман, разве не так? Парусный спорт был его страстью, которая когда—то поглощала его полностью, но подобные увлечения имеют тенденцию отнимать все свободное время, и их притягательность со временем слабеет, а то и совсем исчезает.

– Загружен работой. И нет возможности найти надежного помощника. Обычная история.

Его слова о том, что нет возможности найти помощника, повисли в воздухе как предупредительный сигнал.

– А чем ты занимаешься?

– Угадай, – весело передразнил он Лиззи.

Его наружность могла помочь ему в достижении вершин Олимпа на поприще, скажем, киноискусства, но в нем не читалось то осознанное тщеславие, которое обычно присуще актерам. Определенно у него было самолюбие. А некоторые не поддающиеся четкому объяснению манеры свидетельствовали о том, что по складу он, несомненно, был лидером.

– Мне кажется, ты успешный бизнесмен.

– Что—то в этом роде. Я банкир.

– О!

– Скучная профессия, не так ли? – усмехнулся он.

Она встретила его пронизывающий взгляд с полным хладнокровием.

– Но только не для тебя, я полагаю. Иначе бы ты не стал этим заниматься.

– Лука, – запротестовала Лиззи, – хватит дурачиться!

Она мягко перегнулась через стол к Еве и одарила ее слегка пьяной улыбкой.

– Лука не банковский клерк. Он владелец банка.

Ева почувствовала слабость. Владелец банка? Это значило, что он вертелся в кругах богатых и сверхбогатых людей, и все, что из этого вытекало. А она—то думала, что на него произвел впечатление ее статус звезды провинциального телевидения! Она понимала, что он ждет ее реакции. Она знала, что классовая принадлежность характеризует человека. Понятно, что люди по—разному реагируют на него, впрочем, так же, как и на нее. Она давно научилась не реагировать на камеру, и этот навык теперь сильно ей пригодился.

– А я и не знала, что отдельные лица могут владеть банками, – заинтересованно произнесла она. – Это малораспространенное явление?

Ему показалось, что у него берут интервью.

– Это скорее феноменально, – поправил он. – А не просто мало распространено.

– Должно быть, это пьянящая штука – иметь столько власти?

Он встретился с ней глазами.

– Да, несомненно. Обычно это приводит женщин в восторг.

В ее лице ничто не дрогнуло.

– Я не это имела в виду.

Он медленно провел пальцем по краю бокала.

– В этом, как и везде, есть свои плюсы и минусы, есть что—то увлекательное, а что—то скучное. Жизнь, по существу, для всех одинакова – будь ты владельцем банка или уборщицей в одном из его отделений.

– Ну, как сказать!

Черные его глаза заблестели.

– В главном – одинакова, – не согласился он, – все мы едим, спим, развлекаемся, занимаемся любовью, разве не так?

Она буквально заставила себя не покраснеть.

Только итальянец мог прийти на званую трапезу в приличную семью и завести разговор о занятиях любовью!

– Стоит поразмышлять над твоей теорией на досуге, – задумчиво пробормотала она. – Ты надолго приехал?

Ага, уже интереснее. Что заставило ее сменить гнев на милость? Упоминание о сексе или тот факт, что у него в руках немало власти?

– Еще не решил. – Его глаза излучали чистейший вызов. – А что? Хочешь показать мне окрестности?

– О нет! Прости меня, конечно. Но ты же не первый раз в Хембле, – любезно напомнила она. – Могу предложить иное. Заходи как-нибудь утром к нам в студию – уверена, нашим зрителям будет интересно услышать, как живут—поживают владельцы банков.

Блестящие черные глаза стали холодными. Она пригласила его на свое шоу, если он правильно понял.

Словно какую—то второсортную звезду мыльных опер!

– Едва ли я смогу, – небрежно бросил он.

Она его оскорбила, желая всего лишь держать его на дистанции. Ева поняла, что ей пора отсюда убираться. Конечно, это не его дом. У него есть только чертов банк да еще неотразимая внешность соблазнителя. Но все равно. Не забывай, голубка, только достижимые цели! А он недостижимая цель по определению.

– Жаль, – сказала она, вставая. – Если передумаешь, дай мне знать. Лиззи, Майк, дорогие, спасибо за отменный ланч. Кейси, поцелуешь меня?

Она крепко обхватила свою крестницу, глубоко вдохнула.

– Всего хорошего, Лука!

Он церемонно встал, взял ее руку и медленно поднес к губам. Он готов был проглотить ее глазами, когда легко коснулся губами ее пальцев. Впрочем, поцелуй выглядел вполне светским.

Сердце Евы чуть не выскочило из груди. Это было самым романтичным жестом по отношению к ней за всю ее жизнь, и она задумалась, не было ли это изысканное и старомодное действие очередной насмешкой. Но даже эти мысли не пригасили теплой романтики его поступка. Она уже пожалела, что собралась уходить. Но что толку, даже если она останется?

"Он не для меня", – напомнила она себе и забрала у него свою руку в надежде, что улыбка на ее лице не выглядит слишком уж грустной.

– Всем до свиданья! – сказала она, не будучи уверенной, что ее голос звучит независимо и правдиво.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Оказавшись на улице, Ева вздохнула с облегчением. Свежий ветерок коснулся ее горячих щек. Но пульс еще какое—то время стучал, будто ее несло вверх и вниз по ярмарочным горкам. Наверно, потому, что она почти ничего не съела на ланче у Лиззи и Майкла. Впрочем, в глубине души она сознавала, что причина в ином. Это была реакция ее тела на близкое присутствие обаятельного мужчины. И не просто мужчины, а Луки Карделли. Она ничем не отличалась от остальных женщин и готова была поручиться, что так прореагировала бы каждая, особенно если этот обаятельный мужчина начнет флиртовать. А он, без сомнений, это делал. Пусть она не профессионал в таких вещах, но все—таки и не полная дура.

Дорога к ее коттеджу шла вдоль набережной. Прислушиваясь к скрипящим на ветру мачтам, Ева вдруг подумала, какими голыми выглядят эти мачты без парусов. Конечно, она встречалась с разными мужчинами, но с таким, как Лука, вот так вплотную она столкнулась впервые. Что ж, богатых сексапильных итальянцев нечасто встретишь на тихих улочках Хембла, даже если работаешь на телевидении. О том, что она мимолетно сталкивалась с ним здесь десять лет назад, она как—то забыла. Да, скорее домой, а там заняться какой-нибудь тяжелой физической работой это вернет ее на землю и поможет на время забыть о нем. Как говорила мама? Тяжелый труд не оставляет места для душевных самоистязаний!

Дома она переоделась в самое древнее барахло столетние забрызганные краской брюки цвета хаки и старую застиранную футболку с надписью "Привет, матрос!". Нашла розовые резиновые перчатки, наполнила ведро горячей мыльной водой и собралась помыть кафельную плитку на кухне.

Она только отжала тряпку, как раздался звонок в дверь. Она нахмурилась.

Нежданные гости не приветствовались в ее доме.

Она ревностно охраняла свое личное пространство и не любила, когда кто—то без спросу нарушает ее покой. Увы, такое случалось и было следствием ее работы. Кстати, одной из причин, по которым она не переезжала из крохотного поселка, в котором выросла, было то, что здесь ее все знали как просто Еву. Разумеется, местное телевидение не шло ни в какое сравнение с национальным, и ей не докучали преследователи, которые часто представляют опасность для телеведущих популярных каналов. И все—таки ее беспокоило, что человек, мелькающий по телевизору, становится чем—то вроде общенародного достояния. В ее родном поселке, к счастью, этот эффект едва ли мог проявиться.

Она открыла дверь, и во рту сразу пересохло. За дверью стоял Лука Карделли. Морской ветерок раздувал его черные волосы. Руки он засунул в карманы выцветших джинсов, облегавших его крепкие, накачанные мышцы.

– Лука, – сказала она, – Вот так сюрприз!

– Правда?

Вопрос поставил ее в тупик. Она беспомощно показала жестом на забрызганные краской брюки и ярко-розовые перчатки, которые машинально начала стягивать с рук.

– Едва ли я оделась бы так, ожидая гостей.

Темные глаза наткнулись на надпись на футболке, он издал картинный вздох.

– И тут появляюсь я, нахально полагая, что ты так оделась специально для встречи со мной?

– Но ты, кажется, больше не матрос, не правда ли? – с трудом отшутилась она, чувствуя, как дрожит и сжимается сердце. – К тому же, как тебе это ни покажется странным, но в магазине как раз передо мной закончились футболки с надписью "Привет, банкир!".

Она хотела заставить его прекратить так на нее смотреть и одновременно мечтала, чтобы это продолжалось вечно. Он засмеялся, удивляясь собственной реакции. Чувствовалось, что его тело в напряжении.

Очевидным образом он жаждал того, что выглядело бы не очень уместным в данной ситуации. При этом ему не хотелось выглядеть неопытным мальчишкой, которого столь сильно возбудила женщина.

– Может, ты меня все—таки впустишь? – мягко поинтересовался он.

Только благодаря недюжинной силе воли ее лицо оставалось спокойным.

– Зачем?

Последовала пауза.

– Выпить чашечку кофе.

Вот он, очередной затруднительный момент. Оба они прекрасно понимали, что о кофе вопрос даже не стоял. Дело было в ином. В чем именно? Ей стыдно было признаться себе самой, и она продолжала терзать себя сомнениями. Нет. Этого не может быть. Она вдруг поняла, что в ее голове крутится лишь одна навязчивая мысль. Его пылающие высокие аристократические скулы и сказочный блеск в темных глазах разрешили ее сомнения. Она могла бы сказать, что занята. Это было бы правдой. Что ей нужно принять ванну. Это тоже было бы правдой. Так что выбрать?

– Мне нужно в ванную.

– Прямо сейчас, – медленно протянул он, – именно сию секунду?

– Ну, безусловно, не сию секунду.

Он взглянул на нее с любопытством.

– А что ты делала?

– Мыла пол на кухне, – ответила она и неожиданно почувствовала триумф, увидев, как любопытство в его глазах сменилось изумлением.

– Мыла пол на кухне? – недоверчиво повторил он.

– Как видишь. Это случается у людей.

– У тебя нет уборщицы?

– Уборщица есть. Но нет штатной прислуги. И мне всегда нравилась тяжелая физическая работа.

Она превосходно помогает сконцентрироваться.

Лука Карделли понял, что Ева Питерс крепкий орешек. Он решил изменить стратегию.

– Ну, тогда ты не поужинаешь со мной сегодня вечером?

Она открыла рот, чтобы сказать:

"Только если лягу спать в девять", но из—за неловкости ситуации решила этого не говорить.

И почему это она должна сразу, не раздумывая, отклонять приглашения? Неужели ее карьера стала такой важной, что от удовольствий в жизни она наотрез отказалась?

– Боюсь, с ужином будет сложно. Мне вставать ни свет, ни заря, если, конечно, это не будет очень ранний ужин. Но, поскольку мы лишь недавно закончили ланч, не думаю, что мы успеем сильно проголодаться для раннего ужина.

Она шире открыла дверь. Она сделала это лишь потому, что когда—то он был к ней добр (так она сказала самой себе). И тут же улыбнулась, подумав, какая все—таки бессмысленная трата времени – самообман. Почему просто не признаться в этом себе? Ведь она не хотела, чтобы он уходил.

– Думаю, тебе лучше все—таки войти. А я вместо ужина приготовлю кофе. Но только ненадолго, ладно?

– Просто выкинь меня, когда захочешь, – манерно растянул он слова, с интонацией человека, которого еще никогда ниоткуда не выкидывали.

Он закрыл дверь изнутри с неким победным чувством, не в силах припомнить, однако, когда ему еще так долго приходилось бороться за чашку кофе.

– Эти дома явно не были построены для высоких мужчин, – смеясь, заметил он, следуя за ней по низкому темному коридору на кухню.

– Потому—то здесь и живет женщина среднего роста! Это старый дом. А в те времена люди были ниже.

Кухня блестела чистотой и пахла свежестью. Старомодный шкаф для посуды был битком набит причудливыми цветными фарфоровыми сервизами, а кувшин с медно—красными рдеющими хризантемами стоял на отмытом столе. За застекленной створчатой дверью открывался вид на море, покрытое барашками, серое и неспокойное сегодня.

– Мне нравится Хембл, – сказал он.

– Великолепно, правда? Вид каждый день новый, потому что море все время меняется. – Она взглянула на него. – Интересно, что ты чувствуешь, возвратившись сюда через столько лет?

Он уставился на море, вспоминая, что он почувствовал, когда впервые приплыл в эту сонную английскую гавань, молодой и свободный, не обремененный тяготами жизни. Это было пьянящее чувство.

– Осознаешь, какая ценная штука время, – проговорил он задумчиво, – как быстро оно летит. А твой старинный дом… – он подумал, какое лучше подобрать определение, – он юн и прелестен.

Ева искренне улыбнулась.

– Спасибо. Это бывший коттедж береговой охраны. Я живу здесь, сколько себя помню.

– Сказать честно, я ожидал увидеть другое.

Она налила воды в чайник.

– И что ты ожидал увидеть?

– Что—то современное. Лоснящееся. Но точно не это.

И она сегодня была совсем не такой, какой он ожидал ее увидеть. Его пульс не должен был биться с такой необузданной силой. Ведь он любит, когда женщины элегантны и изысканны, а не когда они одеты в мешковатые тряпки с пятнами краски. Тем не менее, он навязчиво думал только о ее стройном теле, скрывавшемся под этим странным облачением, а также о том, что до безумия очарован ее кокетливым розовым лаком на пальчиках босых ног.

Ева готовила кофе в тишине, раздумывая над тем, что на кухне что—то изменилась с его приходом и что еще никогда в жизни она не чувствовала себя настолько не в своей тарелке от присутствия мужчины.

Вероятно, где—то в подсознании она так и не сумела перестроиться – стать не пугливым подростком, а зрелой, независимой женщиной. Она мысленно перенеслась в то время, когда была в глазах красивого и богатого итальянца лишь жалкой официанткой. Она слышала, как колотится ее сердце, и беспокоилась – уж не слышит ли этот стук и гость.

– С чем тебе кофе? – с нарочитым спокойствием спросила она.

– С чем угодно.

Звук закипающего чайника был оглушительным, почти таким же, как биение ее сердца. Она обернулась. Он неподвижно сидел, облокотившись на кухонный стол, и наблюдал за ней. Да, ничего не попишешь, его глаза одурманивали ее.

– Ну, так с чем все же? – спросила она не своим голосом.

Он улыбнулся.

– Все равно.

– Ты не хочешь кофе.

– Может быть, и так.

– Тогда зачем ты пришел? – рискованно спросила она.

Он окинул ее взглядом.

– Ничего не мог с собой поделать, – он пожал плечами, как будто ему нередко было свойственно давать слабину.

Ева уставилась на него. Она знала, что совсем иначе ведет себя с другими мужчинами. У нее на работе много мужчин. Некоторые даже потрясающе выглядят. Но в Луке было что—то особенное – сильное и непостижимое, не мешающее ему оставаться восхитительным и доступным. Он так и излучал чувственность. При нем она становилась уязвимой, чего вовсе не хотела.

С одной стороны, она уже начала жалеть, что пригласила его в дом. С другой стороны, ей хотелось пренебречь всеми правилами хорошего тона и без рассуждений кинуться в омут. Отвести его наверх и заняться с ним любовью. Хотя бы раз! Он хотел, чтобы она это сделала. И она знала об этом. Но жизнь не так проста. Да и она не простушка.

– Объясни, пожалуйста, что ты имел в виду, Лука, – сказала она мягко, даже нежно.

Был только один способ объяснить это, и не с помощью слов. Он сделал к ней шаг, заметив по ее вспыхнувшим щекам, что она на это согласна. В глазах Евы застыл испуг, но она не пыталась остановить его. Приблизившись, он провел кончиками пальцев по контуру ее подбородка и почувствовал, как она вздрогнула. Он обхватил ее руками и приблизил свои губы к ее губам на волнующе близкое расстояние.

– Что ты делаешь? – еле дыша, прошептала она.

– Собираюсь поцеловать тебя, – нежно ответил он. – Разве ты еще не поняла этого, сага?

– Ты не должен этого делать!

– Почему?

– Потому, потому что это неуместно в данной ситуации! – выпалила она. – Мы едва знакомы!

– А ты что, никогда не целовалась с человеком, который тебе почти посторонний? – пробормотал он. – Не правда ли, в этом есть какая—то изюминка, что—то сумасшедшее и прекрасное?

Почти посторонний. Что—то неприятное было в этой его оценке. Она изо всех сил пыталась сосредоточиться на какой-нибудь здравой мысли, но могла ощущать лишь неистовый жар его тела, который беспощадно гнал все рациональные соображения прочь из ее головы. Она положила руку ему на грудь.

– Это к делу не относится, но все—таки, с чего ты взял, что у меня нет молодого человека?

Он тихо усмехнулся.

– Нельзя иметь молодых людей, Ева, нужно иметь мужчин. А таких у тебя нет. – Он медленно и небрежно провел кончиком пальца по контуру ее губ. – Даже если он и есть, он ничего для тебя не значит. Потому что ты его не хочешь, сага. Ты хочешь меня.

Это было безжалостно, даже жестоко, но это было правдой. Она его хотела.

В расширенных и ослепленных глазах девушки он прочитал приглашение и начал целовать ее губы, а когда последовал сладостный ответ, он испытал острое и пронизывающее жжение страсти.

– О, – вздыхала она беспомощно. – О!

Он сумел улыбнуться, не отрываясь от ее губ, и ощутил радость от ее долгожданного подчинения. А Ева полностью растворилась в поцелуе: ее пальцы скользили по его плечам, ногти впивались в его кожу, и она чувствовала, что ее колени начинают подгибаться и грозят предательским падением. Она ощущала, как смешались их дыхания и как ее тело слабело, когда он прижимал ее к себе все теснее. Собрав остатки здравого смысла, она попыталась взять себя в руки, но тщетно.

– Лука, ради бога…

Он поднял голову и взглянул на нее, его темные, почти черные, глаза прожигали ее насквозь.

– Что? – прошептал он.

– Это сумасшествие. Безумие. Я никогда так не поступаю.

– Ты только что поступила, – надменно уточнил он. – И ты хочешь поступить так еще раз.

Да, она хотела. Она предоставила ему роль господина, и он поддался соблазну, а ей это нравилось. Может, даже слишком. Она задала себе вопрос, был ли он столь же властен в постели? Сильный, яркий блеск в его темных глазах говорил ей, что да, это очень возможно. Но способен ли он не только получать, но и отдавать взамен?

– Ты ведь хочешь. – Он рассмеялся, почувствовав, как она все теснее прижимается к нему. – Да, моя милая, да, ты этого хочешь.

Это был не вопрос, а утверждение. Она не ответила, а просто прижалась к его бедрам и почувствовала, как он дернулся и издал мучительный стон.

– Сага mia, какое блаженство! – простонал он.

Никогда прежде не испытывал он такие яркие эмоции.

Почему именно с этой женщиной? Он еще теснее прижался к ней, испытывая блаженство оттого, что она сможет ощутить его твердость. Ева почувствовала настолько острое желание, что потеряла голову.

Она провела пальцами по его волосам, пока он покрывал поцелуями ее рот, щеки, шею… Вся целиком, она унеслась в неизведанные края. Туда, где не задумываешься больше ни о чем, кроме того, что важно сию секунду. И секунда эта наступила.

– Лука!

Это был слабый подавленный плач. Мольба.

Просьба. Нужда, совпадающая с его нуждой. Он было подумал, что она хочет его остановить, но тут же был ошеломлен и сметен ее рвением. С трудом оторвал он губы от ее губ, дыхание его сбилось. Это было сумасбродным и сладким, мгновенным и неожиданным. Вероятно, нечто похожее ощущаешь, когда долго страдаешь от голода, а потом случайно наталкиваешься на пиршественный стол.

– Где кровать? – возбужденно спрашивал он. – Туда, немедленно!

О боже! Кровь ее горела огнем. Она чувствовала силу и слабость одновременно, будучи переполненной единственным желанием – быть с ним рядом здесь и сейчас, настолько близко, как это возможно между мужчиной и женщиной.

Но это было не правильно. Кем он будет ее считать? Одной из тех женщин, которыми правит лишь плотский голод? Но, что еще важней, как она сама будет воспринимать себя после этого? Усилием воли Ева вырвалась из его объятий.

– Нет. Прекрати. Я говорю серьезно. Я так не могу.

По его телу пробежала нервная дрожь разочарования, а в глазах застыл немой укор.

– Что? Почему?

Слова эти дались ему не сразу и с огромным трудом.

– Мне не следовало этого делать! Прости меня, Лука. Чувства затопили меня, но…

Его лицо окаменело, и она подумала, что не вправе осуждать его за это. Она повела себя как самая ужасная женщина спровоцировала его, заставила себя захотеть, а потом прервала.

– Ты уже сделала.

– Это просто, бессмысленно, разве нет?

Он наградил ее высокомерным вопрошающим взглядом.

– Бессмысленно?

Она растерянно улыбнулась, как будто молчаливо прося, чтобы неожиданно возникший лед между ними растаял. Но не увидела ответной реакции.

– Конечно же, бессмысленно: ты живешь в Риме, а я в Англии.

Его усмешка была злой.

– Я думал, мы собирались провести только день в постели, – манерно сказал он. – Я не планировал связывать нас длительными отношениями!

Она уставилась на него.

– Что? Что ты сказал?

– Только дурак не воспользуется шансом, который ему предлагают.

– Мне думается, тебе пора уходить, ты не находишь? – сказала она низким голосом.

– Пожалуй. – Черные глаза яростно сверкали. – Но прежде чем уйти, я дам тебе совет на будущее, сага. Он издал глубокий неровный вздох. – Это не слишком мудро – доводить мужчину до предела, а потом неожиданно менять решение. Не каждый мужчина будет таким же понимающим, как я.

– Что? – резко спросила она. – Получается, у меня нет права передумать? Может быть, «нет» в понимании некоторых значит "да"?

– Я не об этом, – яростно выдавил он. – Я хотел сказать, что многие мужчины могут попытаться отговорить тебя менять решение.

– О, в таком варианте у них это вряд ли получится!

– Неужели? – Черные глаза смеялись над ней, бросали ей вызов. – Не льстишь ли ты себе, Ева? Мы оба знаем – если бы я продолжил целовать тебя, ты повиновалась бы мне и дальше!

– Повиновалась? – спросила она. – Повиновалась?

– Откопал словечко! В каком веке мы, по—твоему, живем? – Она яростно смотрела на него. – Подобные заявления означают, что речь идет о неравенстве полов. Ты отстал от жизни, мой друг. Когда я занимаюсь любовью с мужчиной, я не подчиняюсь, и он тоже. Мы с ним равны. Это нежно. Это ласково. Это красиво, наконец.

Лука издал короткий смешок.

– Ты говоришь словно о вязании свитера!

Ее щеки загорелись, до нее дошел скрытый смысл его слов. С ним это никогда не будет нежно и ласково.

Ее сердце вновь забилось, хоть она и стремилась быть твердой.

– Уходи! Просто иди. Пожалуйста.

– У—хо—жу, – сказал он голосом напряженным, как струна.

И вдруг добавил более спокойно:

– Глупо подобные вещи оставлять незаконченными.

– Извини, но получилось именно так!

Его глаза засияли.

– До свидания, сага, – сказал он неожиданно мягко.

Она смотрела ему вслед с тоской и сожалением, прислушиваясь к его удаляющимся шагам. Страшное – напряжение не сразу покинуло ее. Но вот она услышала громкое хлопанье входной двери, и лишь тогда ее переполнило чувство освобождения.

Только почему же, черт подери, ей вдруг захотелось со всей силы ударить ногой по стене?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Он не должен был улетать до следующего утра.

Однако Лука поменял билет и вернулся в Рим уже ранним вечером. Господи, что на него нашло? На что он рассчитывал, ввалившись к ней в дом, где повел себя как одолеваемый гормонами подросток? Он смотрел в окно, и его мучила слабая боль в паху, следствие сильной страсти, которую у него вызвала Ева.

Он мог набрать сотни телефонных номеров и встретиться с одной из своих славных подружек, тем более что Ева была не совсем в его вкусе. Почему так произошло именно с ней? Потому ли, что вначале она была с ним холодна и бесцеремонна, спокойно изучая его своими умными серо—зелеными глазами? Или потому, что возражала ему? Умело играла с ним? А потом оказала сопротивление. Неужели все эти факторы делают Еву Питерс той самой женщиной, которую ему раньше просто не удавалось повстречать? Ее недоступность?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.